

Дмитрий Володихин

Омерзение

«Автор»

Володихин Д. М.

Омерзение / Д. М. Володихин — «Автор»,

© Володихин Д. М.

© Автор

Содержание

Осень, среда	5
8.30—9.00, а потом 18.00—18.30 в обратном порядке	8
9.00—13.00, а потом 14.00—18.00	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Володихин
Омерзение
Пособие по любви и жизни
для благородных господ

Осень, среда

8.20—8.30, а потом 18.30–18.40 в обратном порядке

Примерно четыре-пять. Положительно, не больше пяти. Для вестибюля при входе в подъезд, если можно его назвать вестибюлем, конечно, когда смотришь на него сверху, с первой лестничной площадки, это почти рекордный результат. Еще неделю назад тут были верные шесть, а по выходным доходило до восьми.

За счет чего? Отчасти псы. Не все, конечно. Аккуратные овчарки даже понижали на полбалла. То же самое – благородные колли. Но бульдожки разных сортов, бессмертная болонка со шкурой цвета седины древних старух и такой же нездоровой розовостью, буль-терьер, оснащенный мордой каннибала! – и все это с когтистым скрежетом двигалось, шумно дышало, недобро косилось, лупило погаными хвостами по ногам, прямо в подъезде затевало междуусобные войны, заливаясь оглушительным лаем и сочась злобным хрипом... Кажется, график их выгула по субботам и воскресениям втрое оживленнее, чем по будням. Наскоро одетые чада из-под-пятницы-суббота. Ласковые мамашки я-вытрясу-тебя-из-коляски-на-следующей-ступеньке. Или то же, но в варианте ой-ну-помогите-засунуть-ребенка-в-лифт-чего-стоите. Расхлябленные до изнеможения пружин створки входных дверей. Грязные кирпичи на страже их поражения. Это немного напоминает ноги недорогой проститутки, расставленные профессиональным инстинктом даже на седьмом клиенте и в полном беспамятстве (грязными в этой параллели должны быть носки или драные чулки: Игорь никогда не общался с живыми проститутками, завиток воображения возник из книжной пищи). На протяжении двух суток – до позднего утра понедельника – испохабленная уличной грязью плитка. Уборщица по выходным выходная; скидываются на оплату ее труда пять-семь квартир каждый месяц; женщина вспыльчивая и общежитная, она сама себе определила, что этих рублей на субботне-воскресный труд заведомо не хватает, – а кто оспорит, если в подъезде среди состоятельных квартир перевелись монстры, злобные климактерическим упорством?

Впрочем, если отойти на два шага, так, чтобы левый глаз улавливал подоконник не на грани «формата», а почти в половину зрения, тогда верные шесть возвращаются: окно относительно благополучного вестибюля сжимается до трети «экрана», нейтрально-неприятная стена (унылая расцветка подъездов и общественных туалетов) – еще треть (пять-шесть), и примерно треть придется на кошмарный подоконник. Полбеда, что он изрезан ножом. Полбеда, что на оконных рамах и в трещинах набухшей от сырости краски намертво оккупировала значительные территории пыль/грязь (серое/черное). Полбеда, что белый глянец положен слой на шелушащийся слой на шелушащийся слой на шелушащийся слой. Полбеда, волокнистые сгустки паутины на коленчатой батарее. Куда большее омерзение вызывают иные следы человеческой жизнедеятельности. Во-первых, бычок, бывшим огоньком прочно вплавленный в месиво краски. Во-вторых, липкое даже не на ощупь, а на уровне какой-то умопомрачительной визуальной осязаемости пятно от красного вина. Проклятая уборщица за эти деньги никогда не притронется к подоконникам. Ее дело – лестница, лифт и стены.

– Мое дело – вашу лестницу тряпкой возить. И ссанье ваших кобелей с лифта выгребать (Игорь: ссанье нельзя выгребать, его приходится собирать тряпкой, погружая ладони в непобедимую мерзость запаха). Спасибо скажите, что я согласная пурверизатором на стенах детскую ваших дурь замазывать. Муж говорит, выгоню, дура-черт, вся от краски воняешь. А я все равно вам замазываю. А вы тут еще ваши подоконники!

– Прошу извинить меня. Может быть, если я предложу вам четыреста рублей (двести? триста? четыреста – наверное), вы не откажетесь все-таки немного поработать с подоконниками? – никогда прежде до вчерашнего дня Игорь не решался предложить ей деньги. Уборщица создавала вокруг себя теплый сырой микроклимат грязной воды в ведре и замызганного халата. Это было восемь. Он просто не мог. Вчера попробовал из-за полузакрытой двери. Дверь не пропускала большую часть теплой сырости, как не пропускают радиацию свинцовые перегородки. Что-то все-таки просачивалось сквозь черный кожзаменитель, «подушку», металл... вступало в какие-то интимные диффузии с молекулами двери и непостижимым образом просачивалось. Но – меньше. И Игорь решился. Впрочем, тщетное усилие:

– Усталая я. Не хочу. Если вам так нужно, давай сам возись, – в голосе безобразной женщины возраста палаты номер шесть послышалось некоторое колебание, так что в будущем аналогичные вылазки могли оказаться более успешными; но первая попытка взять очевидный бонус провалилась.

Таким образом, подоконники продолжали давать по шесть-семь, и среднее арифметическое со стеной и вестибюлем оказывалось шесть.

Но это – если сделать два шага назад. Лучше их не делать. С тем же успехом можно бы и в лифт войти (шесть-семь: отвратительные надписи, застоявшийся дух от мочи и дерьма псов, котов, алкоголиков, полусожженные зажигалками юных уродов кнопки), но в лифт Игорь не заходил на протяжении приблизительно четырех лет. Даже чуть больше.

Если бы в подъезде жил кот – баллом ниже. Пушистый аристократизм всегда намного облагораживает среду, если конечно это не калека и не сборник лишаев и гноящихся очей. В общем, средний кот сразу скидывает два балла, но балл набирается за счет отвратительной газетки с пиршеством протухших объедков. В целом – баллом ниже. Коты неоднократно заходили в подъезд, подвергали его исследованию на предмет жилплощади, однако избыточное поголовье псов отпугивало. Квартирные коты мелькали редким чудом в открытых дверях, но никого из них гулять на вольную волю не отпускали. Игорь понимал хозяев: не убежит зверь, так придет с грязью в шерсти на брюхе и еще большей грязью на подушечках. Котов полуличного-полуквартирного режима в подъезде не водилось вот уже год – с тех пор, как пропал славный Маркиз (блестящий черный джентльмен в белых туфлях и при белом галстучке) со второго этажа.

Итак, более или менее благополучный вестибюль, если, конечно, его так можно назвать. Желто-красная плитка сегодня была вымыта на час раньше, чем всегда. Кроме того, она уже высохла, и при этом жильцы не успели ее наградить грязными подошвенными разводами. В родительском доме, сидя на унитазе, Игорь любовался плиткой: в изящном плетении трещин он видел то выброшенные на берег каравеллы, то десант пришельцев, то прихотливые головные уборы красавиц. Еще позавчера у самого лифта на стене красовалось гадкое изображение женщины с пышными бедрами и бюстом как у палеолитической веныры. Ее влагилице было отмечено пятном раздавленной сигареты. Так вот, изображение, по счастью, уже замазали. В минусе были стол вахтера и входная дверь. Стол, видимо, знавал прежде беспокойные времена: из под темной (дерматиновой?) обивки виднелись ватные потроха. Створки дверей выступали в неизменном амплуа ветеранов труда: обшарпанных, неряшливых, со слоистой бурой красочкой и железной скобкой ручки, слабо держащейся на болтах (Игорь открывал всегда одним средним пальцем, брезгуя прикоснуться кожей к металлу, изнасилованному с утра десятками чужих неприятных ладоней). Зато сам вахтер давал несомненный плюс. Не какой-

нибудь старый дед в непобедимом сером пиджачишке и, может быть, в старорежимной кепке. Нет, мужчина средних лет, скорее всего, из бывших офицеров. Он дорожил этой работой, а потому бывал неизменно вежлив – надо полагать, офицерские негустые, но гарантированные заработки прервались когда-то преждевременной отставкой и унижительной безработицей. Впрочем, вахтеру мечталось подняться выше, да и вообще он не желал опускаться, «держался молодцом», а потому его стираная-перестираная пятнистая армейская одежда отличалась примерной чистотой и отутюженностью. Правильный мужчина. Тренированный человек (сбитые костяшки пальцев), но не катает гибкую мощь с бока на бок, покачиваясь ноги-на-ширине-плеч-руки-сложены-сзади, не пугает никого полуоткрытой агрессивностью; есть она агрессивность, есть – не те еще годы, чтобы не желать практической миссии (разнять драчунов, не допустить в подъезд бомжей, гуляк, прочую подозрительную публику и т. п.) вместо часов утомительного сидения на посту, – но весь ударный арсенал далеко упрятан от невнимательного глаза. Правильный, одним словом, мужчина – и баллом ниже.

В целом да, где-то четыре-пять, совсем неплохо.

8.30—9.00, а потом 18.00–18.30 в обратном порядке

Москва хороша на пике высоких сезонов: в огненное лето или спелой зимой. В остальное время она, как и всякий недоблагодостроенный мегаполис в умеренном климате, скверна. Южные города корректируют мерзость скученного общежития обилием света; такие уж это места, что под щедрым солнышком битое стекло сходит за самоцветы, а пыль и грязь – за песок, принесенный ветром с пляжа. Север, если он не изгажен обилием промышленности, замазывает обычное городское неустройство чистым снегом, краткое лето столь притягательно, что приходится изо всех сил наслаждаться им, не теряя времени на... всю ту же грязь.

В Москве маловато севера, да и юга совсем немного. Центр власти, первое маленькое кольцо преуспевания, второе – побольше – промышленности, третье, колоссальное – просто жилья. Отправляясь на работу ближе к центру громадные массы москвичей ежеутренне «переныривают» под землей промполосу. Центр и первое кольцо хороши тем, что там традиционная для всякого крупного города борьба камня и земли давно окончилась в пользу камня – как это и положено для цивилизованного европейского города. Часть каменных поверхностей государственным образом моют, чистят, и это отрадно; в центральной части Москвы почти не бывает отвратительного мегаполисного снега в многообразных разводах дюжинной грязи и радужной химии; так же отсутствует месиво истоптанной глины, выполняющей роль земли. Промзона по определению грязнее, землистее. Смертельно опасные гирлянды изоляторов на проводах. Перекрученное железо, торчащее полуживыми члениками жестоких лапок и жвал, посверкивающее подржавленными хитиновыми латами. Так много здесь площадок, проездов, углов и переулков между обшарпанными корпусами и деревянными бараками, где всякая пядь должна бы притягивать внимание режиссеров, занятых съемками фильмов о криминале или о разрухе 20-х годов! Эти места пугают нежное сердце горожанина потаенной угрозой, смутной тревогой, как будто где-то там скрывается особая, чисто городская нечисть, способная в темное время суток расправляться с зазевавшимися простаками. У самого центра, на Рижском вокзале есть местечко – ряд старых деревянных бараков (склады?), перед которыми ограда оформила длинный, скупо освещенный вечерами проход – так вот в этом местечке все мерещатся Игорю залежи великой лагерной эпохи, да так явно, что жуть пробирает до костей. То же «лагерное» впечатление даруют старые Химки с их обилием угрюмых, временами утробно звучащих режимных зон, огражденных от внешнего страха высокими заборами с колючей проволокой. Длинный переход в метро под Казанским вокзалом особенно мрачен и грязен, он просто обязан привлекать людей с уголовными наклонностями: Игорь не удивился бы, узнав, что распределение городских милицейских сводок о всяческих безобразиях локализует в этом месте узел, нарыв. Спальные районы все еще находятся в стадии численного превосходства земли над камнем. Земля здесь еще активна, она запросто портит обувь, поглощает периферийные асфальтовые дорожки, взрывается воронками гигантских черных луж на подъездах к каким-нибудь скоплениям гаражей или складов, где щебенка, асфальт и прочие изобретения человеческие планомерно разрушаются другими человеческими же созданиями: мастодонтообразными грузовиками. Да и на обычные внутриквартальные улочки и проездики властям традиционно не хватает того же асфальта, так что зрелая грязная лужа как правило скрывает многослойную стратиграфию тщетных дорожно-ремонтных усилий.

Чем периферийнее место, тем отвратительнее пахнут местные рынки, тем чаще ночью под окнами воют молодые придурки, мешая спать честным работягам, тем больше барышень вооружается датскими догами для безопасных моционов, тем больше мам этих барышень добирается до дому опасливым скореньким шажком, тем больше пьяненьких мужичков обирают в двух шагах от квартиры, дав тяжелым предметом по голове – для безопасности и блезиру.

Московская периферия еще не скоро станет единым массивом. Она рассечена железными дорогами и пустырями точно так же, как средневековая Москва на территории нынешнего центра естественным образом расчленялась на несвязанные друг с другом слободы.

Никакой шумной и пачкотной ж/д в окрестностях дома, где жил Игорь, слава Богу, не было. От подъезда до станции метро вели асфальтовые дорожки разной степени исправности и чистоты (в среднем шесть). Пешком десять минут – для окраины совсем неплохо. Сначала компакт высоток. Затем рощица. Надо полагать, лет пятнадцать назад это была очень приятная рощица. Как аутентичный житель мегаполиса Игорь не знал, названий деревьев, из которых она состоит; некоторые из них, судя по белым стволам, – березы. Сырой осенью особенно уныло смотрятся серые московские тополя. Здесь явно были не тополя, эти цепкие паразиты городского изоконного пейзажа, потому что поздний тополиный лист – это бесцветный ошметок измочаленной дождями и ветрами растительной плоти, а рощица звучно хвалилась тысячами золотых корон, сотнями византийских пурпурных одеяний. Ей было чем подразнить тупой кубо-конструктивизм и промышленную антиэстетику. Игорь жалел рощу, зная подлые повадки мегаполиса. Городская громада, можно сказать, набила руку, цементную свою металлокерамическую бесформенную руку, осеряя маленькие празднички первобытного естества. В таких делах бывало по несколько отработанных стадий: чаще всего начиналось со «шпионов», расширялось «миссионерами» и заканчивалось «танками». На шпионскую службу нанимались по большей части собачники, спортсмены, алкоголики и романтические кретины. Роль всех этих типажей состояла в протаптывании тропинок и творении кострищ. О, как прекрасно погулять с любимым ласковым волкодавом по лесу, как славно утречком поделать ушу с группой энтузиастов на полянке, как мило истребить поллитру в обществе критически мыслящих личностей на бревнышке, оставив руины пикника в дар безответной рощице (локально это будет не меньше шести), но лучше всего дуэтом с молодой самочкой повить под гитару на языки пламени (для органов слуха – восемь, не лучше ведра с грязной водой и половой тряпки). Тропинки и кострища – бреши в хрупких стенах маленькой желтолиственной твердыньки; их уже так много, и так постарела от этого нежная рощица; пятнадцать лет назад на лице ее не было морщинок. Миссионерами работают коммунальные благодетели, которым только дай закатать тропинки в асфальт! Парк – уже не лес, вернее лес, но только испохабленный, а после первого изнасилования, как водится, церемоний уже не допускают. Приходят рычащие гусеничные чудовища, роют котлован под жилплощадь для нездорового избытка младенцев, которые стали взрослыми людьми.

Он еще раз проверил свои ощущения. Нет, никакой тошноты от корней деревьев не происходило; чувство реальности этих самых узловатых скоплений древесного мяса ничуть не угнетало и даже радовало. Игорь не раз слышал от знакомых: живу-де как во сне, совсем не так было в детстве – каждую травиночку чувствовал, каждый лучик, а теперь, кажется, одну сотую от всего. Так вот, все то, что окружало его, Игорь видел и чувствовал с такой же отчетливостью, с таким же «плотным», таким же вещественно-звучным чувством, как и в архейскую эру детского сада. Он каждый миг заключал договоры с камнем на дороге, голубем в полете и собственной рубашкой, а если не мог, если было в них нечто неправильное, – вел с ними мысленную войну; в таких случаях у него оставалось ощущение, будто их приходится останавливать, не допускать куда-то, покуда не получают пропуск или не примут надлежащий вид. Вот если с корня была содрана кора – Бог весть, каким человеческим артефактом – тогда сумма подпрыгивала на балл, а то и на два. Появлялась жалость, как к уродливому калеке. Правильно жалеть калек, но от этого они не перестают быть страшными и омерзительными.

За рощицей тротуар по кривой длиной метров около двухсот плавно огибал пустырь и упирался в каменный мост над высоким оврагом с несоответственно жалким ручьишком на дне.

Московские пустыри в целом, и этот в частности, всегда казались Игорю местом, менее пригодным для жизни человеческой, чем темный лес или какое-нибудь жутковатое болото с фантастическим пейзажем земноводной эры. Жизнь бывала здесь сожжена кислотой строительства. Песок, глина и щебенка, перемешанные безжалостной толкушкой в беспорядочное пюре, от дождей все больше и больше оплывали, превращая холмы в твердые барханы, а колеи, наезженные грузовиками, в овражки. Изредка трава мелко пробивалась по откосам этих овражков, робко колонизируя территорию катастрофы. Так в фильмах-антиутопиях зверообразные люди в кожаных куртках понемногу осваивают пустыни, оставшиеся после мировой войны или экологического краха человечества. Игорь даже в страшном сне не хотел бы зайти на пустырь. Со стороны здесь самое меньшее можно было оценить на семь. Победительно скалящееся ржавое железо, врытое в землю корыто с застывшим цементом, раскиданные колоссальной черной лапшей трубы, рваная арматура, торчащая из строительных блоков, повсеместная цепкая ярко-оранжевая грязь... Как апофеоз всего – брошенный давным-давно бело-голубой пикап с маркировкой какого-то гидронадзора на капоте; внутренности выпотрошены энтузиастами автодела; многолетняя короста грязи. Возможно, и на пустырях водилась нечисть, но особая, непохожая на традиционную городскую. Во-первых, надо полагать, она умела нападать не только ночью, но и днем. Во-вторых, ее жертвы бесследно исчезали, как бы взятые в плен маленьким смерчиком, микроторнадо, и никто никогда этого не видел.

Слава Богу, мост. Мост как мост, слой асфальта на бетоне, металлоконструкции. В меру грязно, в меру ржаво. Вечный ветер. Мост во все сезоны года неизменно бывал на уровне среднего московского фона – пяти. В этом вполне можно было жить, по этому можно было ходить. Если, конечно, не заглядывать под мост. Туда Игорь не заглядывал даже из любопытства, но воображение легко дорисовывало неизвестные подробности. Мелкий вонючий поток воды, бетонные быки – все в «Спартаках», рэпах, дураках-Гайдарах и нет-коммунистам; от сырости потерявшая форму тропинка с узором кружевных подошв, с жирными шматами серой грязи, вырытой ботинками молодых на края, на запятанную травку. Вероятно, внизу шпана мучила свои жертвы, насиловала зазевавшихся девиц и т. д. Игорь, конечно, и знать не знал о подобных деяниях. Но место столь откровенно подманивало темные подвиги аурой мерзости, что время от времени в сладостные его обязанности должно было входить удушье криков боли шумом проезжающих машин. Если бы Игорю взбрело в голову изнасиловать кого-либо, от чего Господи упаси, то уж никак не в грязи, не в сырости, не на глазах у толпы кретинов. Какое удовольствие? Поразительно, поразительно, какое удовольствие может от этого быть? Разве что, удовольствие молодого агрессивного злодейства...

В жизни не так уж много традиционных мышеловок: когда тянешься за сыром, а получаешь придавление лап. Игорь искренне считал, что намного больше капканов, в которые приходится идти по собственной воле, ясно понимая, что железо вот-вот со шлепком расплющит мозг или с хрустом разрушит кости. Однако идешь, поскольку обойти нельзя, нет реальных способов, тут все-таки лишь искалечат, а отказаться от движения – верная гибель; некоторые смельчаки расчищают путь кулаками, гранатами, сильным словом и т. д. – меньшая часть прорывается, но значительно больше все-таки получает свой смертный металл... ну, костыли ввиду того же придавления лап (в лучшем случае). Таких ловушек – море разлитое, они спрятаны ловкой рукой на каждом буквально шагу. На лестничной клетке, у начальника в кабине, в постели, в магазине, просто на улице.

За мостом метро распахнуло жерло совершенно явной, но не очень страшной ловчей ямы как раз из числа добровольных и ежедневных. Ловушка работает без притворного гостеприимства и без ритуального злорадства: она вбирает в себя попавшихся, немного мучает и отпускает. Уже сам факт спуска в подземное царство неприятен (баллом выше). Кроме того, как и во всяком месте вынужденной людской скученности, в метро агрессивность заметно возрастает. Агрессивность толп в среднем намного сильнее агрессивности каждого человека в отдельно-

сти, это очевидный факт. Ранним утром и поздним вечером станции метро почти дружелюбны. К тому же, подземный город всегда чище, а иногда и просторнее города наверху. Но в часы, когда массы устремляются на работу или возвращаются с нее, общий фон приближается к нестерпимому. Хорошо, если шесть. Но бывает и семь. И восемь. При восьми Игорь долго не садится вагон, стараясь угадать, когда густота толпы нечаянно схлынет и приоткроет брешь в сторону семи. Может даже пойти на небольшое опоздание: его репутация выдерживает такую нагрузку. Если этого не происходит, он входит в вагон и считает минуты до своей станции.

Ловушка метро – плоть от плоти колоссальной ловушки денег. Ее можно избежать, только поменяв на иную ловушку. Ездить в комфорте, на машине (двумя-тремя баллами ниже), но отказаться от служанки или сделать кардинальные изменения в обеденном рационе. Получать больше (чтобы хватало на все), но больше и работать, уничтожая собственность на время, отвоёванное у работы. Найти такую работу, чтобы она ликвидировала все слабые стороны разом, организовать собственное дело – в нынешних условиях маловероятно, а потому неразумно: есть риск потерять уже полученное.

Есть какое-то глубокое искажение во всеобщем вагонном равенстве. Низшие и высшие отвратительно сближаются, превращаясь в единое многочленное мясо. Убийцы и насильники нелогично смешиваются с нарушителями правил дорожного движения и карточными шулерами. Каждый получает законное право оскорбить каждого: обругать, толкнуть, пихнуть, наступить на ногу с улыбкой полной победы, почти что ударить кулаком или нанести пощечину. Дешевенькие пластмассовые пуговички сыплются на входе и выходе так же бодро, как и их высокомерные коллеги с многотысячных Нин Риччи, Пьеров Карденов и т. п. Слепой без стеснения пачкает грязной палкой брюки юношей и стариков, рвет колготки красавиц и уродин. Дачник с одинаковым остервенением молотит древней сумкой на колесиках всех вокруг. Торгаш даже норовит выпустить заряд злобесной энергии в возможно большее количество громоотводов – без разбора чинов, заслуг, полов и возрастов. Когда толпа прессует индивидов, словно слои ватных прокладок в гигиеническом тампоне, их никак нельзя классифицировать на таланты и посредственности, на богатых и бедных, на красивых и безобразных, на слесарей и моряков. Они естественным образом делятся на четыре группы. Всеми ненавидимая элита сидит; отдельные энергичные личности занимают места у металлических поручней сидений, блаженно опираясь на них спиной или седалищем – у кого какой рост, причем сидящие гневно борются порою с подобного рода нависанием, но по большей части без успеха; крепкий середняк получает право держаться за другие поручни – прикрепленные к потолку, или же подпирать спиной одну из двух проходных дверей в начале и конце вагона; наконец, отбросы должны полагаться на крепость своих собственных ног, им нет помощи, поскольку все достойные места под солнцем уже расхvatаны. Текучесть вагонной иерархии колоссальна, зато и воспроизводимость не меньше.

В сущности, население метровагона в час пик представляет собой концентрированную злобу и недовольство.

Сегодня было семь, крепкий середняк, одежда и обувь целы.

Эскалатор неизменно баллом-двумя ниже. Все-таки статичная система, не позволяющая сгусткам омерзения (заблеванный алкоголик, хулиган со взглядом садиста, злобная красотка с острыми локотками прочь-от-меня, банда даунообразных футбольных фанатов) материализоваться из ничего и почти мгновенно в опасной близости. Нет особого движения, нет мгновенных материализаций. Фон агрессии моментально падает. На эскалаторе люди отдыхают душой, фиксирует переход из межеумочного состояния транспорта в состояние основного потока жизни, целуются, развернувшись друг к другу лицами, кто ниже – на верхней ступеньке. Лишь смердят прорабские голоса злобных дежурных из прозрачных будок при входе на эскалатор. Всякое тщетное желание человека стать Богом несколько смердит, но бессозна-

тельный порыв ни на что не годных пожилых женщин в этом же направлении смердит втройне. В ряде случаев до крепкого восемь.

У выхода из станции метро, в подземном переходе обнаружилось три побирушки. Традиционно их и бывало от одного до трех. Как правило, все те же знакомые персоны, распланировавшие график эксплуатации места по каким-то своим внутренним правилам. Игорь в этом слегка криминальном бизнесе разбирался слабо, но слышал подробности работы побирушек от знакомых. Самый жуткий вид являл худой старик лет с тонкой козлиной бородкой. Весь в царапинах, язвах, со всклокоченными волосами и обрубком руки, который бросал самой сущности человеческой плоти вызов дико-неестественным цветом, будто на глазах разлагался. Запах – не обычный, нищенский, а настоящее дерьмо, он что, прятал кусок в кармане? Это было подлинное девять, Игорь пронесся мимо него почти бегом. «Афганец» (или из Таджикистана, Чечни, Молдавии, кто знает) в форме и военными значками. Тележка, костыли, безмятежный взгляд морально уничтоженного человека. Неправильность пребывания в таком месте и за таким делом военного человека могла быть хотя бы смягчена: Игорь давал деньги, давал много. Но «афганец» занимал место довольно редко. Сегодня не было ни старика, ни «афганца». В наличии оказалась бабуля в платочке, персонаж традиционный. В ее арсенале был крестик на асфальте, сгорбленная спина, имитация нервного тика: голова мелко-мелко и часто-часто поворачивалась влево-вправо. Бабуля испускала классический кислый аромат немытого тела, от которого в голодные и кризисные годы под сводами московского метро просто спасу не было. Такие же бабули на коленях вымаливали подавание при Ленине, Николае II, Петре I и Иване Грозном. Худой старик, быть может, играл бы четыре столетия назад роль юродивого, да тип его разложился, нет сильной религиозности, откуда ж взяться юродивым? А вот бабуля сидела здесь, кажется, вечно. Ей подавали скупое, но подавали, с каким-то удивлением исполняя почти что обязанность – подавать. Рядом стояла женщина лет пятидесяти. Ее вооружение сводилось к скорбному взгляду и плакатику, где сообщалось, что побирушкой стала «жертва психиатрических репрессий», которой «не дают работать» и «не разрешают выехать». Родители Игоря умерли в один год, сначала отец, а через десять месяцев мать. Из этих десяти месяцев вдова провела девять в психиатрической лечебнице, выносив-таки собственную смерть. Игорь навещал ее регулярно (одиннадцать! одиннадцать! одиннадцать!), поэтому имел некоторое представление о том, как примерно могли бы выглядеть жертвы психиатрических репрессий. Женщина не имела ни малейшего сходства. Она ничем не пахла. В тексте плакатика составитель не сделал ни единой трогательной орфографической ошибки. Явно, у нее не было способностей к ремеслу побирушки. Третьим нищим, ненадолго, видимо, сделался молодой парень. Он сидел на замызганном махровом полотенце, обмотав голову шарфом так, что виднелись только глаза, да ноздри. Для сбора денег парень приспособил обувную картонную коробку. Ни грана профессиональных навыков. Либо это настоящая беда, и ему пришлось унизиться, чтобы спастись от чего-то серьезного, либо (что столь же вероятно) водка, наркота, пари, журналист на вольных хлебах... Интересно, что говорил он милиционерам?

Слава Господи, офис, где работал Игорь, был в двух шагах от большой «М» на столбике.

9.00–13.00, а потом 14.00–18.00

Офис находился на втором этаже, а два пролета между входной дверью в подъезд и лестничной площадкой второго этажа всего на балл отличалось от фона в подъезде, где жил Игорь. То есть, четыре. Это небольшое, но осязаемое все-таки отличие происходило из более высокой зарплаты для здешней уборщицы: она обязана была привести в порядок большее количество поверхностей. Ее жалование явно относилось к категории классических представительских расходов. На территорию фирмы можно было зайти через единственную дверь, представлявшую собой подлинный бастион. Сталь в коже. Камера – через нее охранник видел все, что творилось перед дверью. Фонарь (освещать лица подозрительных персон). В комплекте с кожей, сталью, камерой и фонарем пребывал также пневматический пистолет А-20, чудо русской конверсии: на него не требовалось никаких разрешений, но, как сообщил Игорю с доверительным выражением лица один из караульных, «в случае чего, с десяти шагов черепную кость на раз дырявит». Охранников Игорь почти не замечал, поскольку они были исключительно точно подогнаны в качестве необходимой приставки к дверному комплекту. Дверь – два (новая), камера никак не воспринимается, вне шкалы; «караульный» стол за дверью – три, так как всякая стандартная офисная мебель оставляет впечатления тупости и неудобства, а это было именно оно: годовалое черное приобретение, каких в московских офисах 90-х годов двенадцать на дюжину, к тому же с микроскоплениями пыли в микротрещинах крышки. Охранник тоже три, причем независимо от конкретного человека, одетого в дешевый пиджак с дешевым галстуком, повязанным на дешевой рубашке, но при выдающейся стойкости стрелок на брюках, при общей высококачественной опрятности; собственно, без немного тревожных воспоминаний о том, как эти самые стражи бастиона принимают водку после ухода начальства – военные все-таки по способу жизни люди, традицию пить можно приглушить, но никак не вытравить – и становятся порой уж больно задиристыми (а ну как и полная невменяемость улыбнется когда-нибудь хамской своей рожей!), без этих воспоминаний – два, а с ними – верное три. Тут уж ничего не поделаешь.

Вообще, второй, третий и четвертый этажи принадлежали еще с советских времен гостинице, тихо сдавшей в обход всех указов второй этаж фирме, где работал Игорь, а четвертый какому-то туристическому агентству. «Туристы» проявили неумную инициативу, испортив все лестничные клетки дома отвратительными плакатами: море-солнце-пальмы, стерильная женщина до половины из воды, на лице нарисована барби-улыбка. Мужчины – все, вне зависимости от возраста, национальности и сексуальной ориентации – примерно одинаково оценивали перспективы близости, которая могла бы последовать за знакомством с таким экземпляром: приятнее всего было бы дать пинка, чтобы посмотреть, как затрепещет спортивная попка; на прочее никого не тянуло. Наиболее угрюмые личности по дороге домой обращали к резиновым бедрам укоризны: «А ты поживи попробуй на наши триста». Или: «Ну и жуй свое поганое баунти».

Между прочим, перед дверным бастионом и в непосредственной близости от море-пальм в давние времена поставлен был стол и два стареньких кресла для курильщиков. За столом сегодня сидела благородная Елена Анатольевна. Реальность «паровозного» стола гармонизировала реальность боевого поста охранников; роскошь Елены Анатольевны уравнивала кошмар баунти в купальнике. Игорь восхитился этому блистательному перекрестку. Шкала предлагала очень разные баллы для эмпирики стола-кресел-дамы и для общей, более высокой по интеллектуальному уровню эстетики перекрестка.

Стол охранника Игорь воспринимал как место официальное с легкими оттенками торжественности и даже незначительной угрозы со стороны системы, учредившей это место. А вдруг пропуск не в порядке? Курительный оазис, несомненно, представляет собой островок вольно-

сти, демократии и прочих раскрепощенных состояний. Охранник, кстати, обязан тихонечко записывать всех тех, кто задерживался в малюсеньком гайд-парке дольше, чем на пятнадцать минут; об этом по секрету было давным-давно рассказано всем сотрудникам, кроме жестков-ыйных особ, скупых на «доброе утро», или «здрассьте», или рукопожатие. Для курильщиков приспособили маленький журнальный столик: полировка покоробилась и пошла мелкими трещинами по краям, грубые ботинки и нежные туфельки испещрили нижнюю часть крошащихся дээспэ черными отметинами. Пять-шесть. В центре – неизбежная банка кофе с окурками. Нет, явно шесть, слишком много пепла рассеяно вокруг псевдопепельницы. У огромного большинства людей собственные размышления ценятся много выше, чем способность следить, куда летит стряхиваемый пепел. Эта иерархия далеко не всегда оправдана. Рядом со столиком – два красных кресла, в незапамятные времена неисправимо продавленные и потерявшие форму. Шесть. Положительно шесть, особенно если учесть эти грязные разводы на обивке: когда на тебя несколько тысяч раз садятся в брюках и юбках очень разной степени стиранности, невозможно остаться без таких вот разводов.

Да, но зато оба стола – на равном расстоянии от двери, и несокрушимый бастион служит почти что символом барьера для вечной дуэли между official power и фрондой интеллектуалов. Эстетически это даже красивый минус к хаотизму и мерзости мира.

Особенно если в одном из кресел сидит Елена Анатольевна, улыбается и глазами добавляет к улыбке особый невысказанный смысл. Красивые женщины, в сущности, ничем не хуже котов. Они могут срезать до трех баллов. Особенно молча. Больше трех баллов не убьет даже Клаудиа Шиффер или какая-нибудь Мерилин Монро.

Елена Анатольевна здороваается сущностно точной и очень щедрой для женщины фразой:

– Приятно видеть Вас, Игорь.

– Вы очень красивы, Елена Анатольевна, – если отвечать в тон, получается прекрасная игра.

– После часа на метро и перед восемью часами работы славно отдохнуть взглядом на вас.

– Я рад, что могу подарить Вам такую возможность. Впрочем, вы дарите большее.

– Мне хотелось бы верить в это.

Наталья Николаевна Гончарова золотом своей блистательной близости к Пушкину намного роскошнее вычурного серебра альтмановской Ахматовой. Елена Анатольевна из породы того же золота – правильной обольстительной женственности. Такое золото выше иронии и выше страданий. Даже выше таланта.

Эта красавица врожденным женским талантом знала, что дама с куревом в руках хорошо выглядеть не может по определению; исключение составляет сеньора в карибском стиле с изящным длинным цилиндром в длинном же мундштуке. Но длинный мундштук по российским меркам означает либо социальный статус ого-го, либо самые сливки полусвета: судя по сведениям газет и журналов, не дешевле трехсот пятидесяти долларов за ночь, причем далеко не с улицы. А это совсем не Карибы. У Елены Анатольевны больших денег не было, сил отказать от дурной привычки – тоже не было, поскольку ради кого, собственно? Она прекрасно понимала, что запах изо рта и что легкие, и что зубы. Курила умеренно. Она всегда, в любой позе и при любом освещении была чудо как хороша. Природное богатство, то, что имиджмейкер может только испортить. Она была хороша настолько, что все мужчины фирмы знали ее возраст: тридцать пять лет. Одиночество было способом ее жизни вот уже два года или около того. Возможно, иногда ее посещали мужчины-на-ночь-на-две, но Елена Анатольевна несла в себе полное нежелание делиться секретами интимной жизни с кем бы то ни было. Кое-кто в офисе хвастался, что «завалил ее как-то раз». Но доказательств представить не удавалось, причем Игорь точно знал, в чем причина отсутствия доказательств: в отсутствии самих фактов. Здесь ей было не с кем. Поразительная красота Елены Анатольевны пребывала на том отрезке женского пика, который уже заворачивал слегка к низу. Через три-пять лет разруше-

ние приступит к своей ужасной работе. Это Россия, и здесь небогатой женщине после тридцати и с дочерью одиннадцати лет чрезвычайно трудно уподобиться Джейн Фонде. Подиум плакал по ней: высокая, стройная, с небольшими, но эффектными грудками, волосы каре светлый каштан, походка и прямая гордая осанка балетной юности, грация превосходного, хотя и не столичного танцевального училища. Никаких мышц, спорта, чуть-чуть кремов и огромная даровая женственность. Елена Анатольевна эти три-пять лет могла бы сиять. Но рискнув верной работой ради подиума, можно и сорваться, а ребенок – существо довольно дорогостоящее и требует благоразумия. Лицо Елены Анатольевны, надо полагать, моделировал некий анатом эпохи Возрождения: в чертах присутствовала точная геометрия: классический прямой нос, высокий лоб, тонкие изогнутые полукруглыми брови, маленький, чуть строгий рот. Почти полное отсутствие косметики, только немного тона для кожи и блеска для губ. Должно быть, анатом бывал в Леванте, а то и в византийских землях: по миндалевидному разрезу глаз легко угадывался его восторг и тайное преклонение перед восточными женщинами. Дороги судьбы однажды должны были привести анатома-итальянца в места не южнее Ютландии. Эскиз лица Елены Анатольевны наложили на белую скандинавскую кожу. Какой потомок конунгов привез в родной фьорд добычу из гарема, чтобы его внук помог своей жене зачать северную турчанку, сирийку, левантийскую красавицу? Елену Анатольевну чертили с очень древних и очень классических образцов. Надо полагать – да кой черт полагать – чувствовалось за версту, что внутри этой женщины была спрятана примерно такая же по принципу действия, как у Игоря, шкала, но только в отношении мужчин. Бог весть, действовала ее шкала на сознательном или подсознательном уровне, одно явно – действовала. То, что внимательный мужчина мог счесть внутренним благородством, играло роль точного механизма, определявшего: кто получает право на благосклонность и близость Елены Анатольевны. И то, и другое, в тонком устройстве шкалы оценивалось как награда за некие достоинства, за рационально неопределимую мужскую настоящность, довольно редкую для современных городских условий. Игорь, чуть ли не единственный из сотрудников фирмы, проходил тест...

Так вот, зная, что курящая женщина не сумеет, как бы ни подыскивала способ, позу, сложение пальцев, выглядеть изящно, Елена Анатольевна курила так, чтобы сигарета была спрятана от наблюдателя. Сигарета в ее пальцах неизменно пребывала ниже уровня крышки стола.

Губы Елены Анатольевны улыбались дружелюбно и невинно. Ослепительный темперамент Елены Анатольевны языком темно-карих зрачков в миндалевидных восточных глазах обещал в тысячу раз больше губ; он обещал страсть. Не погибель какую-нибудь, а преданную, нежную, заботливую страсть, о которой с отрочества мечтает мужчина, и которой до самого гроба не получают девять из десяти мужчин. О!

Женские глаза – великое орудие обмана. Так мало слушает мужчина свою избранницу, так мало думает о ее характере! и даже по телу может томиться не столь уж сильно. Но обещающие глаза женщины плетут экзотические сказки о чудесной близости душ, о прекрасном диалоге на всю жизнь – как не быть тут любовному пыланию в простоватом мужском сердце; нельзя сказать, что близости такой и диалога быть не может, но абсолютное большинство обладательниц обещающих глаз, никогда не видели, не чувствовали, не знают как это бывает и никогда не смогут сотворить больше чем на неделю – то, что обещают глазами навек. Однако и не обещать не могут: природа сильнее. Обманувшись, глупцы кричали, кричат и кричать будут: ты такое мне сулила; на что получают резонный ответ – нет мол, не говорила я ничего такого; и правда, вроде бы не говорила. Но что же было такое обещающее, ведь было что-то? Кто в таких случаях вспомнит глаза! Труп так и не понял, чем его закололи.

Елена Анатольевна... видела, чувствовала, знала и могла. Обещала правдиво. Неудобная, конечно, разница в возрасте: у молодого человека сколько там весен? Двадцать шесть? Двадцать восемь? Но и годы ее уходили, а предназначение быть наградой не сбывалось из-

за отсутствия достойного награды. Так что лучше и правильнее выходило обещать, чем опуститься до случайности.

Елена Анатольевна вполне подходила Игорю: один балл (летом показала коротковатой своей миди вены, руки застираны, курение). Мелочи, в сущности. Но, во-первых, Игорь вот уже четыре месяца занят. И так прочно занят, что даже Елена Анатольевна... Во-вторых, эта женщина не могла быть на год или на полгода. Ее благородство столь высокорожденно, что любое слово и действие с нею означает некоторое обязательство. Так что мог получиться со штампиком, без штампа ли, но только брак и ничего другого. Ее ребенок и его привычки превращали брак с Еленой Анатольевной в нечто весьма серьезное; о таких вещах умные люди думают крепко. Кроме того, у Игоря было странное чувство, что боги на сей раз сплели для него и этой красавицы слабо осязаемое, но осязаемое все же предназначение. Что-то вроде да, но не сейчас, не сейчас. Решиться на Елену Анатольевну было нелегко даже теоретически, требовалось мужество. Возможно, став с нею близким, Игорь совершил бы самый смелый и самый правильный поступок в своей жизни. Возможно. Было чувствование чего-то в это роде.

Он молча пообещал ей незатейливыми мужскими глазами серьезное отношение к поставленной проблеме, нажал кнопку звоночка охраннику и на щелчок отмыкаемого замка вошел в офис.

Елена Анатольевна еще держала несколько времени его воображение. Риск физиологии добавлял в-третьих. Очень все-таки коварный этот риск, сплошная русская рулетка. Было бы ужасно и подумать о таком, но потом, когда-нибудь, когда Игорь станет свободным (от чего Господи упаси), и Елена Анатольевна явно окажется лучшим из всего, он... возможно... вероятно... скорее всего... на все сто процентов попросит ее о пробе; при всей своей гордости Елена Анатольевна согласилась бы. Ставки слишком высоки для ошибок, да и ночь с достойны если и не закончится наилучшим образом (то есть жизнью с достойным), то все же будет маленькой службой предназначению. Да, да, попусту рисковать физиологией – то же самое, что попусту рисковать жизнью. Урок уже имеется.

... Не так уж много дней в году Балтийское море бывает ласковым и теплым. Лето, август, казалось бы, черноморский полдень томителен, египетский – прямое убийство, а тут, под Сестрорецком, почти осень. Ясный ветреный холод весь в каких-то зябких блестках, весь в солнечных зайчиках, играющих на полянах редкого и невысокого приморского леса; нельзя плавать, самые храбрые и горячие в прямом смысле этого слова люди отваживаются загорать; одинокие лежаки уходят в долгий отпуск; кошки с особым понурым замедлением бродят по домотдыховским асфальтовым дорожкам; дикие пляжи дичают до совершенно безлюдных эр; устроившись на прохладном песке, можно обозревать прозрачную архаику йотунского времени... Как будто растленный цивилизацией Гильгамеш еще не повержен седым варварством Энкиду, а в Атлантиде только-только принялись оплакивать гибель последних городов арктической прародины на тонущем острове Туле.

Никогда Игорь не любил загорать, а грязная прикурортная жижа (шесть-семь, прочно все двухнеделье) отбивала охоту наслаждаться прелестями купания. Зато холод, песок, небо и особенно ветер были здесь древними. Игорь часами мог сидеть в песке у моря и чувствовать их.

В тот день ненадолго стало чуть теплее, и пляжная полоска, отгороженная от аборигенов сеткой, собрала одиннадцать тел. Благообразная семейная тройца с трех- или четырехлетним надрывным басом. Два классических гуляки-холостяка при пузиках, пивке, картишках и цветастых рубашках, словом, жизнь. Смуглая тощая дурнушка в старом кое-где зашитом купальнике, лет тридцать, при ней дочь – такая же тощая дурнушка, у обеих на лице написаны ночные бдения с Серебряным веком и развод – у мамы свершившийся, у дочери – предстоящий. Еще – красивая пара: она высокая крашенная, хищно-гибкая, около сорока, очень богатая женщина – подтяжки, откачка жира и пластические операции безумно дорогих тарифов, но черт, они того стоили! он – гора мускулов, ему не надо было денег, он эту бабу брал с подлинным исступле-

нием – какая девочка, какие загибоны знает, ему три раза плевать было на ее бабки; они жили великолепной плотской страстью и взаимным обожанием. Секретная прапорщица – полуспортивная, маленького росточка, почти под бокс, да! хотела выглядеть на тридцать шесть и рассветами встречать романтику. Белобрысый парень, худой, стройный, альбинос, двадцать один — двадцать три, по виду немножечко недоариец; наверное студент: все на море мечтательно смотрит, зовут Игорь.

После заезда прошла уже неделя. Вдруг явилась пантера. Добыча, где ее добыча! Это было ясно с самого начала: именно с ее приездом обязательно должна была испортиться погода! Все против нее! С чего тут собирать урожай? Что тут лежит? Что тут водится, что бегают без пользы? Бугра, как обычно, уже получили другие. Этот холод! Отмерзнет все. Если надо, она влезет в это гадкое море, чтобы потом ее тонкий корейский халатик почти-кимоно, аппетитно прилипал к телу; но уж такое оружие – только на крайний случай. Супруг на цепкой привязи. Хорошо, не галька. Ноги, конечно, будут увязать, но уж спортом-то я им тут занимаюсь. Ну, кто? Студентик ничего, беленький, кожа чистая, если что – стихи почитает, приятно. Но несолидный какой-то, мосласт. А эта ей не конкурентша, малявка стриженная. Тоже, небось, не прочь, караказябра малорослая. Из армейских: даже лежит и то строем. Этот без кепки тоже сошел бы, брюхо, оно хоть и улыбается во весь пупок, зато волосатенький, да и ухватку видно. Интеллигентши не в счет. Второй уж больно жирен, я без мотора такого борова с бока на бок не перекачу. Притом еще трехдневная щетина не опалена. Пошел он! Жалко все-таки, что бугра уже разобрали.

Пантера легла так, чтобы от Игоря и пузатеньких ее тело оказалось на равном расстоянии, а от супругов подальше: курица точно будет ревность разыгрывать, вон брови уже в струночку сошлись.

Она была хороша; чуть выше среднего роста, немного полновата, но эта полнота лишь придавала привлекательности: вся трепещущая Пантерина плоть выглядела как единый гимн округлости и женственности – никаких юнисексов, бизнес-вуменов, полупарнищечьей стати, за пристрастие к которой ругал бисексуальных эллинов Иван Ефремов; возраст не определил бы даже самый блистательный специалист по женщинам, но уже то, что подобный замер не вытанцовывался, явно свидетельствовало: двадцать восемь скрылось за кормой, все в пенных бурунах смертных лет, и пришли времена некоторой конспирации. Полнота изнутри натягивала темно-оливковую кожу (и это существо приехало загорать!), лишая морщины малейшего шанса. Кожа поблескивала не то что бы шелковисто, а даже как-то глянцевито. Крупные бедра, тонкая талия, резко расходящийся к плечам треугольник. Грудь. Что сказать о них? Упругие, округлой формы, упрямо стремящиеся растоптать мужчину? – одним словом упряглые груди; купальник-боди, неестественно яркого канареечного цвета – как сигнал: у вас есть десять секунд, чтобы дать дорогу или покориться; под самым почти обрезом «декольте» соски убедительно преодолевают силу синтетического натяжения; невозможно увидеть, но чувствуется, что нежная кожица вокруг них должна быть темно-серого цвета. Пантера, это совершенно ясно, не чуждалась шейпинга и всю работала с дорогими кремами. Волоски в подмышках – сбриты начисто.

Игорь отчетливо понимал, что моногамия для этой женщины играет роль бортов и железочек в детской игре, когда на небольшом разрисованном поле железный шарик, выстреленный из железной пушечки, отскакивая от всякого рода стенок, вертушек и проволочек, везде находит призовые лунки. Она должна была находить везде. Прежде, чем спросить, замужем ли она, любой мужчина сообразительнее дауна осознавал, что на курорт Пантера приехала без мужа. В древности таких женщин любили брать жрицами любви в таинственные храмы – за неукротимость; их даровали воинам после победы в кровавых битвах на одну ночь, и ради такой ночи те желали еще войн и еще побед; раз в году их выпускали на священный луг, поили вином до

вакхического исступления и посылали убивать царя-мужчину – для свершения обряда традиционной смены власти... XX столетие для Пантеры было мучительным пленом.

Пантера происходила из какой-то ориентальной породы, не среди берез ее зачали, да хоть бы и среди берез: неистовый юг, утомительно жаркий восток расплавили бы смолистую, медленно текущую славянскую кровь. Лицо ее до крайности не соответствовало телу (внешне это была единственная деталь, определявшая пантеру на два): слишком длинная тонкая шея и слишком цивилизованное, изящно профилированное греческими мелкими чертами лицо. Но уж пухлые чувственные губы, чуть раскосые глаза и черные вьющиеся волосы подарили этой ориентальной породе неистовые сельджуки или свирепые османы: из поколения в поколение они насиловали женщин Пантериного рода, насиловали ко взаимному удовольствию, растлевая цивилизацию неискусной, но бурной своей силой.

Лукавый призыв полупрятали ее глаза. Как у какой-нибудь Феодоры. Но нет, не Феодора, на царская статья, проще, проще – для воинов.

Долго и со знанием стриптизного дела Пантера натиралась антизагаром. Дело небесполезное. Если даже не учитывать прямую его капканную суть, то настоящий профессионализм в уходе за собственным телом состоит прежде всего в непрерывности: какой свет, сколько жара, сырости, какова сила ветра – много всего рискованного соприкасается с единственной подлинной драгоценностью. Не будь на пляже ни единого человека, то есть мужчины, она натерлась бы с меньшим старанием (быть может, не так медленно), да она натерлась бы даже во сне, даже в гробу! Курица отворачивала рожу своего, студент плюнул глазеть на море, даже пузатенькие вдвое замедлили режим отхлебывания пива.

Тело так победительно кричало, что Игорь не обратил внимания на цвет глаз: какие они были: зеленые? карие? серые? Нет, кажется, не серые.

Ориентальная Пантера встала, поставила ноги на ширину плеч, развела руки... И, Боже, Боже мой, Господи, какие это были упражнения! Какие наклоны, какие приседания это были. Женщина просто разминалась и разогревалась перед купанием в неласковой балтийской водичке. Но этот мостик – уже на грани с запретными зрелищами... А этот перенос тяжести с одной ноги на другую? Хоть когда-нибудь, хоть кто-нибудь видел такие переносы?

Она дразнила их минут десять или пятнадцать. Даже запыхалась. Положительно, очень не хотелось лезть в серые едва пригретые солнышком волны. Одна пока что была польза: курица увела своего этого со своим этим, а военная гномша демонстративно повернулась на бок: к аттракциону задом. Ну что же вы, ребята, больше смелости! Зашевелился, кажется, студентик.

У Игоря никогда прежде не было женщин. Двадцатилетие остались позади, немало было приятных знакомств, но близость всегда представлялась делом слишком важным, чтобы лечь на случайную девицу. Девственник! Ну и что? Утописты, во всяком случае некоторые из них, не рекомендовали брак до двадцати пяти лет... А прыщи сводила импортная химия. Пантера была два. Ему встречались достойные кандидатки от одного до трех, но никак не складывалась ситуация, или же чувствовалось, что их от одного до трех – только с виду. Но не страдал он как-то. Нет, положительно не страдал. В некоторых случаях играла, конечно, нерастраченная мужская сила, но играла она не фатально. Одним словом, танец живота как раз показался ситуацией, которая сложилась, поскольку он звучал в пляжной почти-зябкости громче и яснее хунвэйбиновского вопля «Да здравствует Мао!». Иероглиф, который трудно не прочесть, даже не зная китайского языка. Игорь чувствовал, что какая-то неправильница здесь присутствует, что женщина эта – не его; но такое понимание – на генеральном плане, на уровне жизненной стратегии, а вот в частности, уж больно удачно сложилась эта ситуация. Он подошел и сказал безо всякого смущения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.